

Мотивы творения мира из яйца в мифах прибалтийско-финских народов, коми и мордвы в контексте образа божественной птицы: сравнительный анализ

Александр Сергеевич Иликаев

*Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия*

Введение. В статье предпринимается попытка обзора и систематизации основных имеющихся космогонических мифов мордвы и коми с участием птиц, а также данных по птичьему культу и образу божественной птицы у указанных этносов с целью выяснения специфики мифа творения мира из яйца у финно-угров Урало-Поволжья в сравнении с аналогичным мотивом у прибалтийско-финских народов.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили научная литература и сборники фольклора. Сравнительный метод позволил сопоставить те или иные элементы мифологических представлений, выявить их общие и особенные черты.

Результаты исследования и их обсуждение. Миф о творении мира из яйца имеется у прибалтийско-финских народов, а также у мордвы и коми. На основе проведенного анализа автор, наряду с версией балкано-европейского заимствования, предлагает версию самостоятельного возникновения мифа творения мира из яйца в прафинно-угорской и, шире, прауральской мифологии. Высказывается предположение, что гибридный космогонический миф коми не является результатом взаимодействия с западными соседями, а сохраняет изначальный комплекс представлений, объединяющих в себе мотивы мифа о ныряющей птице и мифа о творении из яйца. Выясняется, что образ божественной птицы может непосредственно восходить к наиболее древнему комплексу космогонических мифов, включающему в себя мотивы братьев-творцов.

Заключение. Наиболее архаичное состояние изначальной космогонии сохранила мифология коми. В то же время образ божественной птицы получил дальнейшую разработку в мордовской мифологии и оказался вписан в патриархальный пантеон во главе с Нишкепазом.

Ключевые слова: творение из яйца, мировое яйцо, божественная птица, прибалтийско-финские народы, коми, мордва

Для цитирования: Иликаев А. С. Мотивы творения мира из яйца в мифах прибалтийско-финских народов, коми и мордвы в контексте образа божественной птицы: сравнительный анализ // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 472–482. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.472-482.

Введение

Новизна данного исследования заключается в систематизации и сравнительном анализе основных космогонических мифов коми и мордвы с участием птиц вообще и мотива творения мира из яйца в частности в контексте образа божественной птицы. Кроме того, автор предлагает гипотезу самостоятельного формирования и развития мотивов мифов о ныряющей птице (МНП) и мифов о творении из яйца (МТЯ) в коми и мордовской мифологии.

Обзор литературы

Миф о творении мира из яйца, в том числе в виде отдельного мотива или фрагмента, принадлежит к числу наиболее популярных у самых различных народов мира. В частности, своеобразные образы птиц (курочки Рябы, утки), которые сносят волшебные яйца, сохранились в восточнославянском фольклоре [1, 133]. Данный миф, как отмечает Б. А. Дорошин, фиксируется у финно-угорских народов Поволжья и восходит к образу богини-матери (архетипу Великой Матери) [5, 156–157]. Если гово-

рять о финно-угорской традиции в целом, то, как указывал еще В. В. Напольских, космогонический сюжет о птице, которая сносит яйцо на лоно первичных вод, так называемый миф о сотворении мира из яйца, прослеживается в основном на материале прибалтийско-финских рун. Тем не менее полноценный миф о сотворении мира из яйца среди народов Урало-Поволжского региона зафиксирован у коми, хотя он и представляет собой сплав МНП и МТЯ. Мордовский миф, по мнению В. В. Напольских, является маргинальной версией МТЯ, поскольку в нем говорится не о возникновении мира из яйца, а о рождении богинь. Также мордовский миф обнаруживает определенную близость к эстонским рунам: в обоих случаях повествуется о мировом древе (кусте), на котором птица вьет гнездо [8, 30–31]. Марийская версия МТЯ, в том числе записанная М. И. Ивановым не так давно, представляется промежуточной между мордовским и коми вариантами [7, 143].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили научная литература и сборники фольклора. Применение сравнительного метода позволяет сопоставить те или иные элементы мифологических представлений, выявить их общие и особенные черты.

Результаты исследования и их обсуждение

В. В. Напольских справедливо полагает, что благодаря эпосу Э. Лённрота сюжет о творении мира из яйца, снесенного уткой, давно заслужил внимание исследователей. Он также замечает, что ученые, сосредоточившись на прибалтийско-финских вариантах, отрицают связь данного мифа с мифом о ныряющей птице [8, 29–30]. Между тем, по мнению составителей новейшего словаря мордовской мифологии (2013), в мордовских космогонических мифах присутствует мотив поднятия земли со дна первобытного океана ныряющей птицей. Последняя имеет специальное обозначение: Ине Нармунь / Ине Нармонь / Покш нармунь (Великая птица). В целом сам

МНП, в том числе у мордвы, восходит еще к каменному веку¹. У народов восточной половины финно-угорского мира трансформацию в первобытный хаос обычно вносит именно водоплавающая птица (гагара, утка-нырок, утка-чирок и т. д.). В этом случае образ водоплавающей птицы не случаен, поскольку птица-творец как бы связывает стихии: может ходить по земле, плавать по воде и летать по воздуху².

Саамский и карело-финский варианты МТЯ признаются В. В. Напольских самыми архаичными. Их содержание в общих чертах таково: утка (гусь) летит над водами древнего океана, находит место для гнездовья (травинку, колено первосущества), сносит несколько яиц, из которых возникают земля, небо, светила, а также животные [8, 27–28]. Далее достаточно убедительно ученый развивает мысль о том, что МТЯ у прибалтийско-финских народов, а также, по всей видимости, у мордвы и коми не является прауральским по происхождению, в отличие от «нормальных» вариантов МНП, а восходит к балто-славянскому и, в конечном счете, пеласгийскому (догреческому) источнику [8, 31–36]. Признавая, что совершенно исключать наличие у прауральцев МТЯ нельзя, В. В. Напольских все же склоняется к мысли о том, что данный миф невозможно считать не только прауральским, но даже прафинно-угорским [8, 36–37].

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению конкретно мотива о творении мира из яйца у коми и мордвы, есть смысл дать обзор имеющихся мифов типа МНП. Это обусловлено не только тем, что и в первом, и во втором случае активным демиургическим началом выступают птицы (как будет видно из дальнейшего, не всегда водоплавающие), но и синкретическим характером космогонического мифа коми.

Коми-пермяцкий и коми-зырянский варианты МНП имеют очевидную близость к сибирским космогоническим мифам, поскольку в них участвуют утка и гагара. Согласно коми-зырянскому мифу, бог Ен в образе лебедя плюет и из его плевка появляется противник Омоль в виде гагары.

¹ См.: Мордовская мифология: энцикл.: в 2 т. Т. 1. А – К. Саранск, 2013. С. 440.

² Там же.

Омоль ныряет за землей. Ен творит сушу, но Омоль обманывает верховного бога, пробивая в земле дырку, из которой потом появляются различные гады и комары. По мнению В. В. Напольских, возникновение черта-гагары может быть свидетельством влияния европейско-русской традиции. При этом, по мысли исследователя, присутствует противопоставление божественной утки и нечистой гагары, характерное для архаических угро-самодийских космогонических мифов [8, 141]. Ен-лебедь повергает Омоля-гагару в ужас громовыми раскатами своего голоса. Молния опалает до черноты бока гагары, и та в испуге ныряет в воду. Таким образом в мифе одновременно присутствует объяснение возникновения грома и особенностей внешнего вида и поведения гагары [10, 198].

Достаточно своеобразным представляется вариант синкретического коми-зырянского МНП, где имеются элементы, сближающие его с польскими и латышскими космогоническими преданиями. После того как Ен терпит поражение в попытке похитить жену Омоля Ань, он воздвигает небо, где поселяется со своими голубями. Голуби летают всюду, но их настигают вороны Омоля. Только один голубь возвращается к Ену, неся в клюве частичку тины. Когда его начинает догонять ворон, Ен душит злую птицу. Из тины образуется земля, а из воды, пролившейся из глотки ворона, – море. При этом характерно, что Ен и Омоль первоначально пребывали в образе лягушек, живших на первичном болоте [10, 199–200].

Согласно польскому сказанию, дьявол уговаривает утку украсть частичку земли. Но бог замечает это и посылает за похитительницей ястреба. Когда ястреб настигает утку и принимается ее душить, та, крича, роняет почву из клюва. После этого на земле воздвигаются горы [3, 363].

Еще большее сходство с коми-зырянским вариантом находится в латышском мифе. Бог побеждает и разрывает орла. Кровь птицы образует море, а тело – ил и грязь. Внутри орла оказывается большое яйцо. Бог разбивает его и отбрасывает от себя. Одна часть яйца устремляется наверх и становится небом, другая – падает в море

и, соединившись с тinou, становится землей [8, 32]. Таким образом, польский миф оказывается оригинальной версией МНП, а латышский – МТЯ.

В коми-пермяцком мифе Ен в виде утки плавает по первичному морю, потом велит Кулю-гагаре принести со дна землю. Здесь противостояние утки и гагары выражено последовательнее. Это позволяет В. В. Напольских предположить большую архаичность именно коми-пермяцкого МНП [8, 141].

У мордвы исследователями были записаны три варианта космогонического мифа. В эрзянском варианте Чам-паз, верховное божество, путешествуя по первичному океану, встречает Шайтана, передвигающегося в образе утки. Чам-паз велит Шайтану-утке нырнуть и принести землю, из которой затем творит твердую почву. При этом Шайтан пытается утаить землю, отчего возникают различные неровности. Миф в целом, по мнению В. В. Напольских, чрезвычайно близок к северорусскому, а также марийскому вариантам [8, 140–141]. Еще больше следов воздействия народного христианства несет на себе мокшанский вариант. Верховный бог Вардя-шкай, странствуя по первичному морю в лодке, встречает Шайтана в образе гоголя. Вардя-шкай приказывает Шайтану-гоголю нырять за землей. Тот два раза ныряет неудачно. Третья попытка – с именем бога – увенчивается успехом. Миф также завершается эпизодом «утаивания земли» [8, 141]. Еще один мокшанский вариант МНП В. В. Напольских, хотя и с оговорками, считает наиболее архаичным среди других волжско-финских вариантов. В этой версии бог в образе утки сам ныряет за землей, выплевывает ее, творит сушу. Черт, подсмотрев за богом, создает горы [8, 141].

В «основном» коми-зырянском космогоническом мифе рассказывается о том, как утка-праматерь сносит шесть яиц в первичном океане. Четыре яйца тонут в морской пучине, а из двух утка высидывает демидургов Ена и Омоля. Поведав сыновьям об упущенных яйцах, утка взвизгивает в небо, а потом, падая, разбивается о воду. Разросшееся тело утки становится основанием земли. Пока Ен ныряет за яйцами, Омоль

затягивает поверхность моря льдом. Но Ен не только разламывает лед громом и молнией, но и творит из одной части яйца на теле матери землю, а из другой – солнце. Из второго извлеченного из моря яйца – добрых помощников-ангелов. Из оставшихся, испачканных илом, третьего и четвертого яиц Омошь создает луну, болота, озера и злых духов³ [2; 8, 29; 10, 198].

В. В. Напольских прямо связывает распространение мотивов МТЯ у западных финно-угров, а также у коми и мордвы с миграцией представителей беломоробалтийской расы [8, 35]. Думается, это не исключает версии наличия в прошлом у восточных финно-угров специфических, гибридных мифов МНП + МТЯ. В свою очередь, они тоже могли заимствоваться балтами и славянами. Для выяснения возможности такого направления религиозно-культурного взаимодействия между народами необходимо более подробно остановиться на орнитоподобных образах в космогонии коми и мордвы в контексте образа божественной птицы.

Для начала снова обратимся к прибалтийско-финскому материалу. Финский исследователь М. Кууси считал орла (орлицу) в руне о снесении яиц на колено Вяйнямёйнена изначальным образом калевальского мифа [8, 30]. Такой вывод основывался на схеме исходного космогонического мифа, предложенной исследователем: орел – творец светил символизировал небо, верхний мир, а щука, соотносимая с Вяйнямёйненом, – нижний, водный мир [13]. В. В. Напольских возражает М. Кууси, полагая мифологемы водоплавающих птиц, утки и гуся, более древними [8, 30]. Тем не менее стоит обратить внимание на сюжет марийской народной песни, где содержится противопоставление коршуна снесшей в траве посреди речки яйцо гусыне [7, 148]. С руной о снесшем яйцо орле, очевидно, корреспондируют водский (или ижорский) миф о ласточке, которая «летала летним днем, играла темной ночью, искала землю поспать, травку снести яйца» [2], а также

вепсский фрагмент космогонического сюжета. Согласно последнему, утка-нырок (*сотк*) летела через море, опустилась на кочку, снесла три яйца, вывела трех птенцов: «старшего положила в бороздку, среднего в сеточку, младшего в неводок; куда ей самой идти? По дорогам журавлем петть, по болоту постукивать» [2]. Водский и вепсский мифы показывают, что птица могла быть как не связанной с водной стихией, так и водоплавающей.

Известно, что утка и гусь в качестве жертвенной птицы играли большую роль у марийцев и удмуртов. Нередко утка оказывалась наиболее распространенной и предпочтительной жертвой даже высшим богам, не говоря уже о массе мелких духов. Также у удмуртов зафиксирован обряд содержания и откармливания специальных священных лебедей [8, 76].

Как отмечается в «Мифологии Коми», специального культа утки у коми-зырян и коми-пермяков не обнаружено. Считалось, что водяной может принимать образ утки. В некоторых случаях грудная кость утки сохранялась в качестве оберега. В форме уток изготавливались солонки, которые входили в приданое невесты, пиришественные ковши для употребления пива. Также при строительстве дома под первые венцы могли закладывать утиное крыло⁴.

Архаизм и явная переключка с сибирскими в коми МНП – противопоставление утки гагаре. Слово, обозначающее последний, характерный больше для районов арктического побережья, вид водоплавающих птиц, встречается в финском (*tohtaja*), самском (*тохт*), коми (*ток*), мансийском (*такт*), марийском (*токта*) языках⁵. Его как будто нет в удмуртском и, тем более, мордовских языках. При этом у марийцев не сохранилось никаких особых примет или обрядов, связанных с гагарой.

Лебедь у коми преимущественно считается чистой птицей. Он одновременно олицетворяет верховное божество Ена и дочь лесного царя, выданную против ее воли за водяного владыку. Вырвавшись на волю,

³ См.: Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми. М.; Сыктывкар, 1999. С. 414.

⁴ См.: Энциклопедия уральских мифологий... С. 370.

⁵ См.: Вершинин В. И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер = Происхождение слов марийского языка: этимол. слов. В 2 т. Йошкар-Ола, 2017–2018. Т. 1. А – М, 2017. + Т. 2. Н – Я, 2018. С. 522.

последняя даже становится родоначальницей всех прочих лебедей. Как и у мари и удмуртов, у коми на лебедей не охотились и не ели их мяса⁶.

Наиболее интересным феноменом в контексте сравнения прибалтийско-финских и коми МТЯ представляется коми-пермяцкое этногенетическое предание о злом бо- жестве Шурме, живущем на солнце (как и удмуртская Шунды мумы, которой приносили в жертву утку) со своим вороном. Не- когда Шурма требовал человеческих жертв и за это обеспечивал людям невиданное процветание. Но после того как в жертвах было отказано, он наслал на людей воро- на. Злобная птица извергала исходящее из клюва пламя, а предводителей племени братьев Остьяса и Ошгьяса прогнала далеко на запад. Когда братья попытались вер- нуться, выпавшее из крыла ворона перо перегородило им путь, образовав горы, а проведенная когтем борозда – водяной по- ток⁷.

В этом мифе присутствуют, с одной стороны, уже знакомые космогонические мотивы, имеющиеся в славяно-балтском и прибалтийско-финском регионе, а с дру- гой – мотивы, сближающие данный сюжет с мордовскими и даже угорскими материа- лами, что можно будет увидеть далее.

Интересно высказанное В. В. Наполь- ских соображение о том, что миф о ныря- ющей птице – творце земли не относится к числу общемировых сюжетов и впервые появился в монголоидной азиатской сре- де [8, 38, 42]. При этом миф о двух братьях (сестрах) – творцах или миф о птице (жи- вотном) – творце имеется у самых разных народов: от австралийцев до индейцев Южной Америки [2]. Особенно показате- лен миф даяков (о. Калимантан, Индоне- зия). В нем рассказывается, как два похо- жих на птиц духа плавали по воде, а потом выхватили из воды два твердых комочка, по форме напоминающих куриные яйца. Из одного духи создали небо, а из друго- го – землю [2]. Еще более похоже на кале- вальский сюжет с орлом и на «обычные»

финно-угорские МНП вообще космогони- ческое предание обских угров. Так, манси был известен миф о том, как крылатый бог Курк ики (Орел-старик) нес на себе над океаном землю-поклажу. Куски земли па- дали, образуя острова. На одном из таких участков суши, изгнав лесного духа Ялань ики, Курк ики и свил гнездо [2].

Есть соблазн посчитать данный сюжет заимствованием у сибирского или даже палеоазиатского населения, например у эвенков (согласно преданию последних, творец Пуркан отправляет коршуна ис- кать песок-глину) и т. п. Однако скорее речь идет о древнейшей общей для чело- вечества космогонической мифологеме со- творения земли птицей-духом, божеством либо напрямую, либо путем ее извлечения из какого-то иного объекта (яйца или даже мусора, кала). Известен коми-пермяцкий текст: «Кругом было море, земли не было. Пролетела птица – помет упал. С него нача- лась земля...»⁸. Вряд ли коми-пермяки мо- гли заимствовать его, например, у чукчей из цикла мифов о творце Куркиле [2].

В мордовской традиции Ине Нармонь могла воплощаться в образе Ашо Локсей (Белой лебеди). Мордовское слово *Локсей* прафинно-угорского происхождения, родственно фин. *joutsen*, мар. *йўксё*, коми, удм. *юсь*. В этом случае Великая птица выступала божественной посланницей верховного бога Нишкепаза, посредницей между ним и народом. Считалось, что Ашо Локсей живет непосредственно у престо- ла Нишкепаза, знает все его дела. Белая лебедь ходит по определенным богом пу- тям и выполняет его указания. Когда Ашо Локсей опускается на землю, люди ее не видят, если сами того не захотят. Белая ле- бедь Нишкепаза отличается необычайной красотой, обладая белоснежными крыль- ями, шеей, подобной медной трубе, зобом, подобным медной братине, позолоченным клювом, черными ногами⁹.

Ашо Локсей имеет явные антропоморф- ные черты (как Ильматар-утка в «Кале- вале»). Так, Белая лебедь навещает дом

⁶ См.: Энциклопедия уральских мифологий... С. 407.

⁷ Там же. С. 338.

⁸ Там же. С. 432.

⁹ См.: Мордовская мифология... С. 72–73.

зажиточного эрзянина. Однако тот отказывается вознести благодарственную молитву Нишкепазу, поскольку у высшего бога всего один ребенок-девочка, а у него – семь сыновей. Когда вернувшаяся на небо Ашо Локсей рассказывает Нишкепазу о высокомерии человека, бог насыляет мор на семью богача, отнимая у него всех сыновей¹⁰.

Еще одной ипостасью Ине Нармонь выступает Ашо утка (Белая утка). Против древности этого образа может свидетельствовать не финно-угорский, на первый взгляд, облик составляющих его имя слов. Действительно, *утка* представляет собой прямое заимствование из русского языка, а *Ашо* некоторыми исследователями признается тюркизмом. На самом деле определитель *ашо* ‘белый’ в мордовских, как и в марийском, языках не является тюркским заимствованием, поскольку поволжско-финские варианты восходят к прафинно-угорскому *aška¹¹. Именно белую утку жертвовали богине солнца Шунды мумы удмурты [11, 57]. Гораздо чаще для обозначения утки используются исконные мордовские слова эрз. *яксярго*, мокш. *яксярга* ‘утка’ (ср. фин. *sotka*, мокш. *судемка*¹², мар. *шуэ*¹³, удм. *сюлы*¹⁴, коми *сюл-чӧж*) звукоподражательного происхождения [12, 210; 15].

В целом образ утки менее характерен для мордовской мифологии, хотя утка также может являться помощницей Нишкепаза. Космогонических сюжетов с участием утки у мордвы не сохранилось. Однако в народных песнях встречаются фрагменты мифа о нарушении охотничьего табу. Так, в одной песне утка высиживает своих птенцов, но приходят охотники и, несмотря на ее мольбы, убивают птицу-мать. От выстрела в Ашо утку начинают дрожать земля, звенеть небо, доли и овраги наполняются птичьей кровью, земля покрывается утиными перьями, небо – утиным пухом.

В другом варианте песни, вернувшись домой, охотник находит свою жену и детей погибшими¹⁵.

Составители словаря мордовской мифологии трактуют данный сюжет с чисто утилитарных позиций как недопустимость покушений на морально-духовные устои живущего почитанием животворящей природы общества¹⁶. Не отвергая целиком этой версии, можно предположить, что изначально во фрагментах об Ашо утке был заложен другой смысл (при древности самой идеи охотничьего табу). Очевидно, что перед нами – своеобразный эсхатологический миф, т. е. предание не о сотворении, а о гибели мира. Можно представить, что в прошлом у мордвы бытовал космогонический миф о том, как утка творит из снесенных яиц землю, небо, доли и овраги, а также использует свою кровь, перья и пух. Это наводит на мысль о возможном сходстве реконструируемого мордовского МТЯ с коми-зырянским мифом.

В обрядах следов почитания лебедей и уток у мордвы осталось еще меньше, чем у коми. Тем не менее следует отметить, что песню об Ашо утке девушки исполняли в начальный день празднично-обрядового действия «Дом девичьего пива», где она выступала не только музыкальным сопровождением, но и своеобразным стержнем праздника¹⁷. Сходные обычаи (*юдыр йуктымаш*, *юдыр сий*) с исполнением гимнов в честь богинь Вӱд-Авы, Мланде-Авы были у мари. «Девичий пир» известен также чувашам [6, 213].

Как отмечает В. Я. Петрухин, у мордвы сохранился миф о Великой птице Ине Нармонь, которая сносит мировое яйцо (Ине ал, Оцю ал): из желтка образуется земля, из скорлупы – подземная и небесная твердь. Согласно другому варианту, это происходит на мировом древе, березе или дубе [2; 10, 292]. Интересно, что мировое древо

¹⁰ См.: Мордовская мифология... С. 72–73.

¹¹ См.: Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 4 (Пиледемс – Уштомс). Йошкар-Ола, 2009. С. 391.

¹² Там же. С. 413.

¹³ См.: Вершинин В. И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт. С. 689.

¹⁴ См.: Вершинин В. И. Этимологии удмуртских слов. Йошкар-Ола, 2015. С. 194.

¹⁵ См.: Мордовская мифология... С. 74.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

растет на вершине холма в глубине лесной чащи и его корни окружают землю [14, 202]. Пока творец вселенной Чи-паз спит, мировое дерево вырастает так, что его корни достигают подземных вод, ими заполняются овраги и ямы, земля вокруг становится сырой, образуется р. Сура. Не желая спать на сырой земле, Чи-паз перебирается на мировое дерево, где случайно давит яйцо, снесенное Ине Нармонь. Тогда из него рождается богиня Анге-Патяй [10, 293].

На первый взгляд, сюжет, объясняющий появление Анге-Патяй, не имеет никакого отношения к МНП и МТЯ. Тем не менее определенный интерес представляет образ самой Ине Нармонь: «Великая птица, водяная птица / Подняла крылья, / Ударила лапами... / Куда... опустилась? (садилась) / На поле Леши... / Посреди поля лужок, / Посреди луга кочка, / На кочке гнездо свила...»¹⁸. Суммируя сказанное, можно обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, мордовское мировое дерево производит впечатление растущего посреди первичного моря осокоя, высокого куста, нежели традиционного дерева на вершине горы. Отсюда подчеркивание темы влаги, ключей, рек. Во-вторых, Ине Нармонь прямо называется «водяной птицей», да и особенности ее «приземления» скорее напоминают спуск лебедя или утки на воду (удары лапами). Кочка посреди луга тоже похожа на торчащую из морских вод кочку из руны «Калевалы».

Выше уже упоминался маргинальный вариант мордовского МТЯ, где Ине Нармонь сносит яйца на великанской березе с тройным корнем. Это дерево, по справедливому замечанию В. В. Напольских, является определенной параллелью калевальскому дубу. В эзьянском песне утверждается, что гигантская береза росла еще в дочеловеческие времена. Она обладала тройным корнем и своей кроной заслоняла солнце и луну. Посланная богом Ине Нармонь свила на ней гнездо. В гнезде из яиц вывелись три богини: Мать поля – Норов-ава, Мать

ветра – Варма-ава и Мать леса – Вирь-ава. В другом эзьянском варианте из яиц вылупились не богини, а первые птицы: жаворонок – олицетворяющий начало весенних полевых работ, соловей – символизирующий дом и домашнее хозяйство, кукушка – являющаяся лесной птицей [8, 29; 9, 23; 10, 315].

Составители словаря мордовской мифологии отмечают, что Ине Нармонь выступает как типичная героиня МНП. Вместе с тем сюжет о создании Великой птицей мира из яиц является как бы продолжением МНП. Реконструкция мордовского МТЯ выглядит следующим образом. Ине Нармонь сносит яйцо, которое разбивается. Из верхней части яйца возникает небесный свод, из нижней – земля. Желток становится солнцем, белок – месяцем¹⁹. Очень интересной особенностью мордовского МТЯ представляется то обстоятельство, что из яиц Ине Нармонь в гнезде на Великом древе затем появляются по порядку боги, животные, народы²⁰.

Уже безотносительно видовой принадлежности, как некая фантастическая птица, Ине Нармонь выступает в роли медиатора между Нишкепазом и человеческим родом. Составители словаря мордовской мифологии отмечают, что в этом случае она носит наименование «Великой птицы большой воды». Это лишний раз подчеркивает ее связь с первобытным океаном²¹.

Ине Нармонь обладает красивыми ногами, светящимся оперением, грудью, подобной белой пороше, клювом, подобным острому золотому шилу (ср. описания Ашо Локсей и Ашо утка).

В одной из песен Ине Нармонь предстает в образе божественной птицы, подвергающей испытанию мудрость старейшин. Под белой березой, возвышающейся на макушке большого холма посреди бескрайнего поля, стоит стол, заставленный яствами. За ним сидят седые старейшины. Гостей потчует девушка-красавица. На вершине дерева сидит Ине Нармонь и загадывает

¹⁸ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981. С. 104.

¹⁹ См.: Мордовская мифология... С. 440.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 147.

старикам загадки: какая птица без крыльев летать может? Какой зверь без ног бегать? Какая трава без корней расти? Старики не справляются с отгадыванием загадок, тогда им на помощь приходит девушка, называя ответы: солнце, река, человек²². По мнению составителей словаря мордовской мифологии, здесь мы имеем сюжет о превосходстве молодости над старостью и в красоте, и в уме.

Еще более поздним по происхождению является представление функции Ине Нармонь как посредницы между вышним богом и людьми и как символа восхождения к богу и связующего звена между небом и землей²³.

Данные объяснения, очевидно, следует несколько расширить. Выше на примере образа Ашо утка уже указывалось, что в мордовской мифологии, возможно, сохранились фрагменты достаточно древнего МНП с элементами МТЯ. С учетом очень высокой степени антропоморфности Ине Нармонь, подчеркивания ее провидческой природы возможно также, что в прошлом для коми и мордовской мифологии был характерен миф о божественной птице (МБП), снесшей мировое яйцо. Следы подобного мифа можно обнаружить у прибалтийско-финских народов. Прежде всего, Ильматар-утка спускается на воды по повелению небесного бога Укко²⁴. Помимо Ильматар сам Укко может иметь птичьих атрибуты («каменные громовые когти») [10, 98]. Сын Ильматар Вяйнемейнен, сводя деревья под посевы, оставляет березу, на которой отдыхает орел²⁵.

Определенную параллель мордовской Ине Нармонь составляет горномарийская сказочная птица Эфи. Описание последней напоминает описание облика Кастарго, одной из дочерей Нишкепаза [10, 301]. Близок к Ине Нармонь и образ удмуртской обрядовой необычайно красивой птицы – павлина (*тугытыш*) [4, 201].

Еще одним подтверждением древнего истока образа мировой птицы служат образы венгерской мифической птицы Турул и

обско-угорской Кальм – посланницы богов. Поскольку дальнейший анализ образов Турул и Кальм выходит за рамки настоящей статьи, отметим лишь, что они имеют отношение к североевразийско-американскому мифу о расхитителе гнезд. Собственно миф о мировом яйце также обнаруживается у чувашей и народов Сибири [2].

Думается, необходимо хотя бы гипотетически предположить источник всех мифов типа МНП и МТЯ в прауральской и прафинно-угорской традиции. Прежде всего, нужно исходить из наличия образов орнитоподобных демиургов и божественных птиц. Они отмечаются по всему североевразийскому и североамериканскому ареалу от индейцев, палеоазиатов до славян: образ ворона-творца, образы водоплавающих птиц – творцов, образ иранской птицы счастья Хомай. Особо следует выделить наличие мифа о вороне-творце у коми, обских угров и палеоазиатов, прямо связанного с образами братьев-демиургов. Первоначально здесь речь могла идти о космогоническом мифе, где братья (сестры) – творцы посылают птицу, которая творит мир, причем мир мог твориться как из тела самой птицы, так и из снесенных ею яиц. Наиболее древнее состояние прауральской и прафинно-угорской традиции сохранила мифология коми, хотя образ живущего на солнце ворона очевидно демонизировался. В мифах мордвы образ божественной птицы получил дальнейшую разработку уже с учетом эволюции патриархальной семьи богов во главе с Нишкепазом. При этом вследствие позднейших контактов с русским населением в обеих традициях возникли варианты МНП, практически не отличимые от народно-христианских легенд о Боге и Черте.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что еще в период прафинно-угорской (как минимум) общности помимо «классического» МНП у предков коми и мордвы имелся МБП, содержащий в себе элемент

²² См.: Мордовская мифология... С. 147–148.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ См.: Калевала / пер. с фин. Л. Бельского. М., 1977. С. 39.

²⁵ Там же. С. 49–50.

МТЯ. Впоследствии у коми он стал напоминать гибрид МНП и прибалтийско-финского МТЯ. У мордвы, сохранившись фрагментарно, он эволюционировал, как и в эстонской традиции, в миф о птице на вершине мирового древа. При этом для восточных финно-угров оставалась актуальной версия мирового яйца, из которого преимущественно возникают не отдельные светила, звезды, а собственно мироздание или его части, включая живых существ. Дальнейшая эволюция МБП в мордовской

традиции была связана с все большей антропоморфизацией образа Ине Нармонь и почти полным ее отождествлением с дочерью (женой) и посланницей главы патриархального пантеона во главе с Нишкепазом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

мар. –	марийский язык
мокиш. –	мокшанский язык
удм. –	удмуртский язык
фин. –	финский язык
эрз. –	эрзянский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Т. В. Птица в строении восточнославянских мифов о Мировом яйце // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 5–2. С. 131–133.
2. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Космическое яйцо. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 14.01.2023).
3. Веселовский А. Н. Избранное: Традиционная духовная культура. М.: РОССПЭН, 2009. 622 с. (Российские Пропилеи).
4. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный мифотекст: образ, символ, ритуал: моногр. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
5. Дорошин Б. А. Архетипический образ птицы-демиурга в мифологических представлениях финно-угров Поволжья: некоторые антропо-космические аспекты // Социосфера. 2010. № 4. С. 156–160.
6. Иликаев А. С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урало-Поволжья: башкиры, марийцы, русские: моногр. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 336 с.
7. Иликаев А. С. Мотивы творения мира из яйца в космогонических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов: сравнительно-сопоставительный анализ // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 2. С. 140–153. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40547.
8. Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (пра-уральский космогонический миф). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-
9. Маклая АН СССР, 1991. 189 с. (Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи).
10. Напольских В. В. Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 19–28.
11. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
12. Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). 2-е изд., доп. Уфа: Первая тип., 2019. 320 с.
13. Спиридонов С. Н., Лысенков Е. В., Кузнецов В. А., Водясова Л. П., Макушкина Л. И., Рузанкин Н. И., Лапшин А. С., Гришуткин Г. Ф., Ручин А. Б., Артаев О. Н. Мордовские названия птиц и млекопитающих Республики Мордовия // Труды Мордовского государственного природного заповедника им. П. Г. Смидовича. 2011. Вып. 9. С. 201–218.
14. Туюнен С. В. К вопросу о прародителе огня в карело-финских заговорах // Фольклористика Карелии: сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 109–117. URL: <https://www.vottovaara.ru/k-voprosu-o-praroditele-ognya-v-karelo-finskix-zagovorax.html> (дата обращения: 24.11.2023).
15. Харва (Хольмберг) У. Верования и мифология народов Северной Евразии / пер. с англ. И. В. Кучумова, Т. Г. Миннихметовой. М.: Касталия, 2022. 354 с.
16. Maticsák S. Az erza-mordvin állatnevek ősi képzői // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 2014. Kötet 110. O. 97–130. URL: https://finnugor.arts.unideb.hu/adatok/maticsak/pdf/052_2-Allatnevek-NyK.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

Поступила 09.03.2023; одобрена 05.04.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. С. Иликаев – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Уфимского университета науки и технологий, jumo@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6773-9053>

Motives of the world creation from an egg in the myths of Baltic-Finnish peoples, Komi and Mordovians in context of the image of the divine bird: a comparative analysis

Alexander S. Ilikaev

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

Introduction. This article attempts to review and systematize the main available cosmogonic myths of the Mordovians and Komi with the participation of birds; the data on the bird cult and the image of a divine bird to clarify some specifics of the Finno-Ugric population of Ural-Volga area regarding the myth of the world creation from an egg in comparison with the similar Baltic-Finnish motive.

Materials and Methods. The article is based on the scientific literature, and the collections of folklore. The comparative method makes it possible to compare certain elements of the mythological representations, to identify their common and special features.

Results and Discussion. The myth of the world creation from an egg is present in the tradition of the Baltic-Finnish peoples, Mordovians and Komi. Based on the analysis conducted, the author, along with the version of Balkan-European borrowing, suggests a version of the independent origin of the myth of the world's creation from an egg in Finno-Ugric and, more broadly, Proto-Uralic mythology. At the same time, it is possible to assume that the hybrid Komi cosmogonic myth could not be the result of interaction with its Western neighbors but preserve the original complex of representations combining the motives of the myth of the diving bird and the world creation from an egg. Thus, it was found out that the image of a divine bird could directly ascend to the most ancient complex of cosmogonic myths which included the motives of the brothers-creators.

Conclusion. The most archaic state of the original cosmogony has been preserved by the Komi mythology. At the same time, the image of a divine bird was further developed in the Mordovian mythology and was inscribed in the patriarchal pantheon headed by Nishkepaz.

Keywords: creation from an egg, world egg, divine bird, Baltic-Finnish peoples, Komi, Mordovians

For citation: Ilikaev AS. Motives of the world creation from an egg in the myths of Baltic-Finnish peoples, Komi and Mordovians in context of the image of the divine bird: a comparative analysis. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;4:472–482. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.472-482.

REFERENCES

1. Avdeeva TV. The bird in the structure of the East Slavic myths about the world egg. *Evraziiskii soiuz uchenyh* = Eurasian Union of Scientists. 2014;5–2:131–133. (In Russ.)
2. Berezkin IuE, Duvakin EN. The Space egg. World mythology and folklore: thematic classification and areal distribution of folklore and mythological motifs. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed 29.03.2023). (In Russ.)
3. Veselovskii AN. Favorites: Traditional spiritual culture. Moscow; 2009. (In Russ.)
4. Vladykina TG. Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual. Monograph. Izhevsk; 2018. (In Russ.)
5. Doroshin BA. The archetypal image of the bird-demiurge in mythological concepts of the Finno-Ugrs of Volga region: the some anthropocosmic aspects. *Sotsiosfera* = Sociosphere. 2010;4:156–160. (In Russ.)
6. Ilikaev AS. Matriarchal manifestations of early forms of religion in the cosmogonic myths of the peoples of the Ural-Volga region: Bashkirs, Mari, Russians. Monograph. Ufa; 2022. (In Russ.)
7. Ilikaev AS. Motifs of world creation from an egg in cosmological myths of the Baltic-Finnish peoples, Mari and Udmurts: comparative analysis. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* = Historical Journal:

- Scientific Research. 2023;2:140–153. (In Russ.)
8. Napolskikh VV. Ancient stages of the origin of the Uralic language family's peoples: data of mythological reconstruction (proto-Ural cosmogonic myth). Moscow; 1991;5. (In Russ.)
 9. Napolskikh VV. The mythologem of the World Tree and mythologies of peoples of the Uralic linguistic family. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2012;6:19–28. (In Russ.)
 10. Petrukhin VIa. Myths of the Finno-Ugric peoples. Moscow; 2003. (In Russ.)
 11. Sadikov RR. Traditional religion of the Trans-Kama Udmurts: history and modern tendencies. Ufa; 2019. (In Russ.)
 12. Spiridonov SN, Lysenkov EV, Kuznetsov VA, Vodiasova LP, Makushkina LI, Ruzankin NI, Lapshin AS, Grishutkin GF, Ruchin AB, Artaev ON. Mordovian names of birds and mammals of the Republic of Mordovia. *Trudy Mordovskogo gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika im. P. G. Smidovicha* = Proceedings of the Mordovia State Nature Reserve. 2011;9:201–218. (In Russ.)
 13. Tuiunnen SV. On the question of the progenitor of fire in Karelo-Finnish conspiracies. *Fol'kloristika Karelii: sb. nauch. st.* = Folkloristics of Karelia. Collection of scientific articles. Petrozavodsk; 1995:109–117. URL: <https://www.vottovaara.ru/k-voprosu-o-praroditele-ognya-v-karelo-finskix-zagovorax.html> (accessed 24.11.2023). (In Russ.)
 14. Harva (Holmberg) U. Beliefs and mythology of the peoples of Northern Eurasia. Moscow; 2022. (In Russ.)
 15. Maticsák S. Az erza-mordvin állatnevek ősi képzői. *Nyelvtudományi Közlemények*. Budapest; 2014;110:97–130. URL: https://finnugor.arts.unideb.hu/adatok/maticsak/pdf/052_2-Allatnevek-NyK.pdf (accessed 29.03.2023).

Submitted 09.03.2023; reviewing 05.04.2023; accepted 28.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. S. Ilikaev – Candidate Sc.{Political Sciences}, Associate Professor, Department of Political Science and Public Relations, Ufa University of Science and Technology, jumo@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6773-9053>